

28 НОЯ 1977

ВЕЩЕРНИК ЛЕНИНГРАД
Г. Ленинград

ИСКУССТВО ВЫСОКОЙ ТРАГЕДИИ

Прославленный финский певец Мартти Талвела принял участие в двух спектаклях Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова: он пел партии короля Филиппа в «Дон Карлосе» Верди и Бориса Годунова в опере Мусоргского. Два монарха, и у обоих руки обгарены кровью, у обоих — больная, заставляющая тяжело страдать совесть. Но не схожи два правителя, изображенные замечательным артистом.

Король Испании Филипп Кровавый уже при первом своем появлении на сцене согбен под тяжестью совершенного зла. Насупленный и сумрачный, он грузно ступает по земле, словно бы каждым шагом придавливая ее, причиняя ей боль. Его голос исполнен надменности и силы. Но вот, пораженный отважной прямою мужественного борца за свободу Фландрии маркиза ди Позы, Филипп, кажется, неожиданно для себя самого, признается ему в том, что испытывает тяжкие страдания. И в голосе его появляются ноты тоски и сердечного тепла.

Знаменитую арию Филиппа Талвела начинает петь на едва слышном пиано: словно глухой стон, звучат первые фразы. А затем выразительность пения становится все более насыщенной и драматичной. Муки одиночества, любви без отклика, кажется, пробудили в Филиппе человека. Но вот начинается сцена с Великим инквизитором. Угрожая королю церковным судом и лишением власти, он требует от него страшной жертвы — решиться на убийство сына, благородного Карлоса, и верного Родриго ди Позы. И перед бес-

компромиссностью зла отступает Филипп. По-прежнему он величав и сумрачен, он сохранил власть, но душа его опустошена, он — живой труп. С глубокой убедительностью, во всеоружии мастерства актера-психолога обнажает Талвела клочущую противоречиями душу своего героя и безжалостно казнит его. Это мастерство доставило высокое эстетическое удовлетворение многочисленным слушателям.

Но то, что испытали счастливицы, которым довелось услышать «Бориса Годунова», следует определить по-иному: потрясение. Артист достиг здесь вершин трагедийности. Не одному поколению певцов гениальное творение Мусоргского помогло проявить свой талант. Мартти Талвела же, кажется, самой природой предназначен для роли царя Бориса. Богатырский рост, величаящая осанка, на редкость выразительное лицо, на котором запечатлелись ум и одухотворенность, могучий темперамент — все это выделяет Бориса—Талвелу среди окружающих его персонажей. Какой голос у артиста? Об этом затрудняешься сказать кратко. Он многокрасочен и звучит то ласково, то гневно, то жестко, то проникновенно. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что голос певца — это зеркало его души. И если все же попытаться определить одним словом характер этого голоса, то скажешь: глубокий. Из самых запovedных глубин сердца берет он начало.

Борис — Талвела мудр и человечен. По мере того как разворачивается в спектакле линия народа, загнанного, страдающего в начале и полного

печали к царю и боярам, поднявшегося на бунт в конце, развивается, сплетаясь с ней, линия душевных мук Бориса. Отчаяние от собственного бессилия усиливается раскаянием из-за совершенного некогда убийства царевича Димитрия, осознанием той истины, что не может благодетель быть куплено ценой преступления.

В сцене коронования парадность церемонии и величественный облик Бориса резко контрастируют с его внутренним монологом — «Скорбит душа!». В отличие от иных исполнителей, которые произносят его тихо, дабы не услышали окружающие, Талвела поет истоно, не скрывая гнетущих предчувствий.

И вот пошел шестой год царствования Бориса. В общении с семьей ненадолго исчезает его угрюмость. Сдержанной и оттого еще более пронзительной сердечностью проникнуты у Бориса—Талвелы обращения к дочери и сыну. В знаменитом монологе «Достиг я высшей власти» с поразительной силой передано борение страстей в душе преступного царя. Талвела обостряет своей интерпретацией контрасты бурных душевных порывов и сумрачных предчувствий. А сцену кошмаров — предвстие близящейся катастрофы — он проводит так, что в оцепенении застывает зал.

Лишь несколько фраз произносит Борис в сцене у Василия Блаженного, но нужно слышать, какой горечью наполняет их артист, нужно видеть, с каким ужасом отпрянул царь от толпы, бросившейся к нему с воплем «Хлеба! Хлеба!».

И вот трагедийное завершение драмы. Просто и спокойно повествует Пимен притчу об убиенном царевиче, но Борис слышит в ней неумолимый приговор народа. С каким волнением следит он за каждым поворотом рассказа! Но вот наползает кошмарный призрак, и царь обрывает монаха вскриком. Однако самое потрясающее — исповедь Бориса и прощание с сыном.

Среди нескольких отличных партнеров Талвелы в этом спектакле упомяну лишь одного. Это приехавший с ним его соотечественник двенадцатилетний Олли Рантафеппа, исполнивший роль царевича Федора. Наделенный редким обаянием и душевной отзывчивостью, юный артист — это чувствовалось — своей игрой вдохновлял маститого партнера. В последних напутствиях отца и государственного мужа слышались и боль, и тайная надежда на доброе будущее сына. И голос Талвелы звучал просветленно. Вслед за Пушкиным и Мусоргским он и осуждает, и оправдывает Годунова, и мотивом оправдания служит столь полно проявившаяся в этот предсмертный его час человечность...

Сегодня Мартти Талвела дает концерт в Большом зале Филармонии имени Д. Д. Шостаковича. Программа вечера еще раз подтверждает приверженность артиста русской культуре: наряду с песнями Шуберта и сочинениями финского композитора Тойво Куулы певец исполнит романсы Рахманинова и знаменитый цикл «Песни и пляски смерти» Мусоргского.

М. БЯЛИК

81